

Н. Н. Демидов в 1797–1800 гг.: начало самостоятельного управления заводами

Начало самостоятельного управления заводами Нижнетагильского горно-заводского округа поставило перед их владельцем, Николаем Никитичем Демидовым, множество серьезных проблем. К их числу следует отнести отсутствие «познаний в заводском во всех частях производстве», опыта личного управления заводами, а также необходимость изыскать формы эффективного контроля за финансовой деятельностью персонала заводских контор.

Для изучения специфики управления заводами и особенностей горно-заводского производства Н. Н. Демидов обращался к опытным заводским приказчикам. К январю 1799 г. относится его письмо к Григорию Григорьевичу Белому, в котором он просит помочь войти «во все подробности» заводского производства, а поэтому объяснить «без наималейшей сокровенности:

1-е. существенность заводского правления, начиная оное от последней и до вышней степеней должных быть при нем людей...;

2-е. заводское действие со всею подробностию...;

3-е. ... что нужно в заготовлении к поддержанию сего, объясняя повременно в годовом обороте;

4-е. ... положение ныне на заводах... существующему производству нет ли в чем упущение... и чем оные соотвратить и поправить... можно»¹.

Выбор Г. Г. Белого на роль консультанта был отнюдь не случайным. Григорий Григорьевич в течение длительного срока занимал должность главного приказчика Нижнетагильской заводской конторы и входил в число самых опытных нижнетагильских управленцев, искушенных и в производственных проблемах, и в выстраивании отношений как с заводскими служащими, так и с местными уральскими государственными и горными властными структурами.

¹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 65. Л. 41–41 об.

Недаром в приказе о его увольнении «за старостью лет... и слабостью здоровья» от 4 сентября 1797 г. Н. Н. Демидов распорядился о выплате ему пенсии в размере прежнего жалования – 500 рублей в год «за долговременную и хорошую его службу»².

Одновременно, в том же январе 1799 г., Николай Никитич решил прибегнуть к помощи Андрея Егоровича Грубера, управляющего Кыштымским заводом его дяди, Никиты Никитича Демидова. В письме от 31 января 1799 г., адресованном руководству Нижнетагильской заводской конторы, Николай Никитич писал: «Андрей Егорович, господин Грубер, по бытности здесь, у меня, обещал сделать по дружбе ко мне, к лучшему устройству и порядку на заводах моих, свое замечание, что, по практическому ево о заводском производстве познанию, уповаю я, он зделать, несомненно, может». Поэтому нижнетагильским управляющим вменялось в обязанность, во-первых, «по требованию ево, господина Грубера, нужные к тому бумаги, за скрепою оной канторы приказчиков, давать, какие делать будет для своего замечания вопросы, на оные с должною истинностию отвечать»; во-вторых, поочередно, ежемесячно («в каждый месяц – один») ездить к нему на Кыштымский завод «с двуседмичною запискою о заводском производстве и выписками о месячном приходе и расходе денег» и, в-третьих, докладывать Николаю Никитичу о наставлениях Грубера, которые могут способствовать «к постановлению лутчаго устройства и порядка на заводах»³.

Одно из писем Н. Н. Демидова А. Е. Груберу, датированное 10 января 1800 г., проливает свет на характер деловых отношений, сложившихся между ними. Оно свидетельствует о том, что владелец Нижнетагильского округа вовсе не хотел устраняться от управления заводами, полностью переложив его на опытного подчиненного. Напротив, он вникал во все заводские проблемы, вел интенсивную переписку и с А. Е. Грубером, и с приказчиками Главной Нижнетагильской заводской конторы, лично подписывал все документы, что, видимо, раздражало Андрея Егоровича. В письме Николаю Никитичу от 10 декабря 1800 г. Грубер выразил недовольство неоднократной перепиской Демидова и с ним, и с нижнетагильскими приказчиками «о чугунных молотах и прокопе канавы в Чер-

² См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 339. Л. 32.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 86. Л. 41–41 об.

ноисточинский пруд». Содержание ответного послания Николая Никитича представляет большой интерес, так как характеризует его становление в качестве хозяина заводов, свидетельствует о том, что он вполне осознавал свою новую роль полноправного и заботливого заводовладельца: «Я о благоустройстве заводских людей имею неусыпное попечение и заботу, яко хозяин, практически же всего того не знаю, следовательно, какие б слухи о тамошних неудобностях до меня не дошли, я все беспокоюсь и сомневаюсь, почему для удовольствия себя и бумаги посылаю, которые подписывать меня никто не заставляет, а делается все по собственной моей воле, дабы довести, как можно, до совершенства мои заводы»⁴.

Тесные деловые контакты Н. Н. Демидова с А. Е. Грубером продолжались более года, до тех пор, пока в письме от 24 апреля 1800 г., предназначенном для управляющих Нижнетагильской конторой, Николай Никитич не предписал прекратить их поездки к Андрею Егоровичу и вернуть все отправленные к нему документы. Примечательно, что свое распоряжение Демидов аргументировал тем, что он в состоянии самостоятельно решать все управленческие проблемы: «Усматриваю ныне, что и по собственным моим распоряжениям заводы и в них дела управляются с должным успехом»⁵.

В январе 1799 г., когда Н. Н. Демидов договорился о содействии А. Е. Грубера в вопросах управления заводами, он также учредил в Нижнем Тагиле особое «управление временного препоручения» для расследования должностных злоупотреблений заводских служащих, которое возглавил приказчик Черноисточинского завода Яков Любимов. Задачи этого чрезвычайного органа были достаточно точно определены Николаем Никитичем в письме к Любимову: «Старайся, елико возможно, какие найдены тобою будут в интересе моем упущения, чье либо на оной поползновение, хищничество и протчие корыстолюбивые покушения, виновных в том обнаруживать яснейшим образом, не опасаясь ничьего за то мщения, от которого будешь защищаем мною»⁶.

По требованию Н. Н. Демидова приказчики Нижнетагильской конторы вместе с Г. Г. Белым должны были выбрать вместо уличен-

⁴ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 74. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 156.

⁶ Там же. Д. 65. Л. 23.

ных «в упущениях» заводских служащих «надежных людей», а А. Е. Груберу предоставлялось право утверждения их на должности. При этом заводовладелец обращал внимание А. Е. Грубера на нежелательность назначений «к интересным и другим по заводам должностям из заводских жителей, ибо от того последовать... может убыток в невывозке положенного на них по окладам угля», а также увеличение и без того «достаточного» «комплекта» заводских служащих, хотя и допускал это как крайнюю меру в том случае, «когда найдете вы, что из числа служащих... достойных окажется недостаточно»⁷.

Изучение переписки Н. Н. Демидова с Нижнетагильской конторой за февраль – июнь 1799 г. позволяет говорить о его пристальном внимании к расследованию выявленных «управлением временного препоручения» злоупотреблений персонала заводских контор. В марте этого года, узнав о том, что приказчики Нижнетагильской конторы не могут дать внятных объяснений о расходах на покупку хлеба в апреле, мае и июне 1798 г., он потребовал не выпускать их из конторы до тех пор, пока они не представят точного отчета⁸. Но получив составленный приказчиками отчет, заводовладелец с гневом писал им: «Взятые от Нижнетагильской заводской конторы... объяснения нахожу сделанными не токмо ни с каковыми от меня предписаниями не соответствующими, но совсем наглыми, стремящимися единственно к затмительности настоящей истины»⁹.

Еще большее возмущение вызвало у Н. Н. Демидова изучение документов о выплате долгов за 1796 и 1797 гг. Он писал по этому поводу: «Я не намерен, чтобы на конторах из году в год переходили долги, а приказчики, яко привыкшие к корыстолюбию, в мутной воде рыбу ловили»¹⁰.

Иногда у Николая Никитича возникали сомнения в добросовестности и непредвзятости действий самого «временного управления». Так, получив в апреле 1799 г. документы, оправдывающие Аврама Шептаева, подозреваемого в «наивесьма несоразмерном расходе денег» «при отдаче в рекруты людей» в Верхотурье в 1798 г.,

⁷ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 65. Л. 86–86 об.

⁸ См.: Там же. Л. 125–125 об.

⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 87. Л. 51.

¹⁰ Там же. Л. 51 об.

он счел необходимым высказать эти сомнения: «Означенное временным управлением исследование было сделано не к соблюдению справедливости, а единственно к защите виновных, тем более, что несоразмерность означенного расхода явно обнаруживает бывшее при том пристрастие»¹¹.

Тем не менее деятельность «управления временного препоручения» позволила выявить ряд преступлений заводских служащих. В частности, в июне 1799 г. оно изложило результаты следствия по делу бывшего приказчика Черноисточинского завода Родиона Рябова и его сына Федора. Как выяснилось, Рябовы, занимаясь «торговыми промыслами», вносили приписки в финансовые документы «о поденных платах». Ознакомившись с их «делом», Н. Н. Демидов вынес суровый приговор: взыскать с Р. Рябова 1661 рубль, «из нынешнего ево звания и из служительского комплекта выместить, верстать наравне с прочими жителями в углеставщики наивсегда, и впредь ни к каким доверенностям не определять, и все работы взыскивать с него без всякого послабления, а его сына Федора, отреша... от ныне занимаемой им должности, наказать розгами и потом определить в личную поддоменную работу на один месяц, а по прошествии месяца поместить до усмотрения впредь лутчаго от него поведения в писарскую должность, к интересным же делам никогда уже ево не определять»¹². Николай Никитич потребовал подвергнуть наказанию и «плотинного ученика» Степана Петрова «за недонесение о чинимых Рябовым приписках денег»: «выдержать... в цепи» в течение недели и взыскать полученные им от Ф. Рябова «за молчание о утрате моего интереса деньги 5 рублей»¹³. В рапорте от 9 сентября 1799 г. нижнетагильские приказчики доложили управляющим Санкт-Петербургской домово́й конторы о том, что все обвиняемые подвергнуты вынесенным им наказаниям¹⁴.

Но уже в письме Н. Н. Демидова в Нижнетагильскую контору от 2 августа 1799 г. об «управлении временного препоручения» упоминается как о бывшем ранее учреждении. Видимо, прекращение деятельности этого чрезвычайного органа было связано с тем,

¹¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 327. Л. 40.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 88. Л. 20–21 об.

¹³ Там же. Л. 22–22 об.

¹⁴ См.: Там же. Оп. 7. Д. 332. Л. 18.

что пижнетагильским приказчиком, противостоящим возглавлявшему его Я. Любимову и опасаящимся новых разоблачений, удалось собрать компромат и против него самого. Расследование злоупотреблений Я. Любимова носило характер намеренно организованной, планируемой кампании, поскольку очерняющие его факты изыскивались не только из настоящего, но и из прошлого. Так, например, только в июле 1799 г. почему-то наконец был дан ход ранее «затаенному» доносу куренного надзирателя Черноисточинской заводской конторы Петра Соловьева, поданному еще в 1796 г., в котором он обвинял Я. Любимова, занимавшего должность приказчика этой же конторы, в том, что тот «делал приписку в поденных работах в хищничество денег суммою на 145 р.», продавал «конский корм» из заводских конюшен на Невьянский завод, а у сына Любимова, Никифора, бывшего в 1795 г. запашником при Нижнесалдинском заводе, был выявлен «в провианте большой недостаток»¹⁵. Кроме того, П. Соловьев заявил «о причиненных якоб ему... Яковом Любимовым несносных побоях и безвинных обидах»¹⁶.

Еще в апреле 1799 г. приказчики Нижнетагильской конторы отправили петербургским управляющим донос на Я. Любимова, в котором обвиняли его в том, что он отобрал у жителей Салдинских заводов «под посев собственного хлеба усадьбы и огороды» и места, отведенные для сенокоса¹⁷. Как ни странно, но, ознакомившись с этим доносом, Н. Н. Демидов принял решение о довольно мягком наказании Я. Любимова, явно не соответствующем его вине: вернуть отобранные им усадьбы и огороды, а его самого «за такой самовольный поступок... выдержать во оной (Нижнетагильской. — О. М.) канторе на хлебе и воде один день»¹⁸.

«Дело» Я. Любимова — яркое свидетельство сложности положения нового владельца Нижнетагильских заводов, обусловленного соперничеством приказчиков, их доносами друг на друга. Территориальное отдаление от заводов затрудняло выяснение истинного положения вещей. Н. Н. Демидов был вынужден постоянно разби-

¹⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 331. Л. 127–128 об.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 87. Л. 45.

¹⁷ См.: Там же. Оп. 7. Д. 331. Л. 27.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 87. Л. 48–48 об. Также см.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 142–143 об.

раться в поступающих к нему доносах и оправданиях управляющих Нижнетагильской заводской канторы, производить замену одних приказчиков другими. Угроза увольнения с должности, возникшая для «первого», т. е. главного, приказчика канторы Прокофия Морозова в январе 1799 г. в связи с началом деятельности «управления временного препоручения», подтолкнула его к активным действиям. В письме Н. Н. Демидову от 10 января П. Морозов заявляет, что «находящиеся ныне в Нижнетагильской канторе прикащики, сверх общей суеверности, их соединяющей, есть ближние родственники, кроме Булавина», т. е. противостоят ему как семейный старообрядческий клан. Кроме того, он обвинял приказчика счетной экспедиции Г. Белова в безнаказанных махинациях при покупке хлеба для жителей заводов: «Белов обличен в утайке правянта более 100 пуд и чрез то навлек у зятя своего, запащика Любимова, недостатку блиско на 3000 рублей и за то остался без оштрафования ...»¹⁹. Вскоре, 6 февраля, П. Морозов отправляет новое письмо с перечислением своих заслуг: «Моим старанием пресечено вкоренившееся до чрезвычайности злоупотребление: вредить у себя члены к отбывательству от рекрутской отдачи; по моему ж старанию открыты непомерные часовенные зборы и обнаружено кроющееся в том корыстолюбие...»²⁰.

Не отставали от П. Морозова и его оппоненты, приказчики Г. Белов, А. Булавин, Я. Любимов. Еще в декабре 1798 г. они просили «отрешить» П. Морозова от занимаемой им должности, так как он «старается вообще дела всячески затмить, особо интересные, что и наперед сего от него бывало; в канторе в полном присудствии заседание имеет весьма мало и о нужных делах общественного трактования не имеет, а пишет, что ему угодно одному, и сотоварищам своим уже подает после своей подписки беловые, а они, слагаясь на почести, так, как перваго приказчика, иногда подписывали без поверки»²¹. Г. Белов в «объявлении», представленном в Нижнетагильскую кантору, обвинял П. Морозова в том, что он препятствует расследованию должностных злоупотреблений заводских служащих: «При подаче мною в оную кантору от шетной экспеди-

¹⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 74.

²⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 90. Л. 2 об. – 3.

²¹ Там же. Д. 86. Л. 39.

ции двух репортов: первой – в записанных в шнуровой книге расходчиком Баженовым с подьячим Колесниковым в настоящем расходе с пуста деньгах 1036-ти рублях 85 ½ копеек, прикащик Прокофей Морозов, приняв от меня и не просмотря оной, с пенею возвратил, сказал, что довольно б тебе было доложить на словах, а не на бумаге утруждать кантору; а второго – в записанном во злоупотребление ж в приход Нижносалдинскаго завода запащиком Ерофеевым / ево, Морозова, родственником / правянте и о прочем, прочтя, с озартом меня ругал и называл плутом, из присудствия выслал вон... чрез что он, Морозов, изъявил хищникам открытое покровительство, а щетной по изысканиям подобных дел преграду»²².

В условиях противостояния одних нижнетагильских приказчиков другим Н. Н. Демидов неоднократно требовал прекращения вражды, упрекал их в неприязни друг к другу. Так, в мае 1799 г. он писал в Нижнетагильскую кантору: «Почитай ни одного дела, с согласием зделанного, не вижу, и нет такова, чтоб в котором не означалось одного против другого ссоры...»²³. А в сентябре 1799 г. заводовладелец решил осуществить ряд мер для «пресечения продолжающихся немалое уже время между прикащиками оной канторы раздоров, вражды и несогласиев... в заводских производствах расстройство и упущение наводящих»²⁴. В частности, он назначил А. Е. Грубера главным управляющим заводами, а П. Морозова первым приказчиком Нижнетагильской заводской канторы, поручая последнему «в полное управление и распоряжение» все дела, которые ранее распределялись между приказчиками канторы, и подчеркивая, что другие приказчики должны «быть у него помощниками в точном его заведывании». Однако все приказчики могли высказывать свои возражения против «неправопроизводимых распоряжений» П. Морозова ему самому, а если они не принимались, то А. Е. Груберу с последующим докладом Н. Н. Демидову²⁵.

В июне 1800 г. Николай Никитич внес новое изменение в управление заводами, назначив вместо П. Морозова главным руководителем Нижнетагильской канторы Г. Матвеева и изложив свои

²² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 87. Л. 6.

²³ Там же. Л. 28 об.

²⁴ Там же. Д. 88. Л. 51.

²⁵ См.: Там же. Л. 51 об.

требования к другим ее приказчикам, Ивану Густомесову, Афанасию Булавину и Савве Ерофееву: «С главным прикащиком Матвеевым отнюдь не ссориться и меня пустыми друг на друга жалобами и представлениями... не занимать, и, оставя все пустые вражды и зсоры, жить согласнее»²⁶. Но при этом Н. Н. Демидов сохранил за приказчиками право докладывать о злоупотреблениях Г. Матвеева, если он совершит таковые: «Естли вы заметите, что Матвеев будет производить дела к упущению моей пользы или в противность моих предписаний, в таком случае... мне представлении делать позволяю, только бы оные были не ложные»²⁷.

Важным фактором эффективности функционирования заводов была оперативность принятия управленческих решений, во многом зависевшая от устойчивости связи между заводовладельцем и его Санкт-Петербургской домовою конторой, с одной стороны, и Главной Нижнетагильской заводской конторой, с другой, через деловую переписку. Поступающие из Нижнего Тагила документы проходили через руки Н. Н. Демидова, поскольку именно их изучение позволяло получить необходимую информацию и принять наиболее приемлемое решение. При выявлении ошибок в «седмичных» (еженедельных) и «двуседмичных» (за две недели) рапортах (в показателях выплавки чугуна, наличия запасов руды и т. п.) и в ежемесячных выписках о приходе и расходе денег Николай Никитич, как правило, рекомендовал нижнетагильским приказчикам «впредь записки сочинять верные и основательные, под опасением за неверность неупустительного штрафования» (май 1799 г.)²⁸; «быть осмотрительнее и присылаемые сюда все бумаги отправлять самосправедливые и верные, под опасением в противном случае неупустительного взыскания» (июль 1799 г.)²⁹; требовал от приказчиков «поверять самим» составленные заводскими служащими документы. Но в том случае, когда неправильно велись финансовые документы, управляющие конторы подвергались тем или иным наказаниям. Так, за приписку 10 рублей в ведомость о приходе и расходе денег за декабрь 1798 г. Н. Н. Демидов потребовал «взыскать

²⁶ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 39 об.

²⁷ Там же. Л. 40.

²⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 87. Л. 30.

²⁹ Там же. Д. 88. Л. 12 об.

в штраф пени: с первого прикащика, яко наблюдателя всех по тамошней канторе текущих, а особливо до интереса относящихся дел, 10 руб., с последних четверых – по 5 руб., итого – 30 руб.» (май 1799 г.)³⁰. Штрафом в сумме 5 рублей нижнетагильские приказчики были наказаны и за рапорт, «неверно сочиненный и в Петербургскую домовую кантору отправленной от дворецкого Ивана Семенова о расходе в генваре месяце при доме господском припасов» (май 1799 г.)³¹. Не менее показателен и другой факт. Ознакомившись с ведомостью, в которой были учтены заводские работники, болевшие в июне 1800 г., Н. Н. Демидов обратил внимание на несоответствие количества поступивших на лечение и вылеченных людей: «Вступило оных 76 человек, а выпользовано 111, откуда же взялись 34 человека?» Поскольку ведомость заверили своими подписями приказчики Нижнетагильской канторы Матвеев, Густомесов и Булавин, заводовладелец распорядился об ее отправке к ним обратно «на изобличение» с тем, «чтобы за пересылку ее весовые деньги – один рубль, означенные прикащики внесли из жалованья и... для раздачи нищим отдали канторщику Василью Густомесову»³².

Наряду с денежными штрафами практиковались и другие виды взысканий. Приведем лишь некоторые факты. В апреле 1799 г. Н. Н. Демидов получил из Нижнетагильской канторы двуседмичный рапорт за 24 марта – 10 апреля 1799 г., при изучении которого пришел к выводу, что, судя по отраженным в нем сведениям, «как во оной канторе, так и частных заводов у расходчиков в наличности денег уже нисколько не имеется. А в выдачу мастеровым и работным людям под работы хлебного правянта поступило совсем несообразное количество, в какой же именно расход показанная сумма... поступила, оная кантора совсем умалчивает»³³. Вина приказчиков усугублялась тем, что они не выехали на пристани, несмотря на вскрытие реки Чусовой 15 апреля, что было необходимо для обеспечения своевременного вывоза заводской продукции. Николай Никитич счел необходимым вынести суровый приговор: «Прикащиков оной канторы, начиная с первого, каждого по одной неделе выдер-

³⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 87. Л. 26 об. – 27.

³¹ Там же. Оп. 7. Д. 339. Л. 3 об.

³² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 107 об.

³³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 87. Л. 36.

жать на хлебе и воде в канторе, не выпуская на не малейшее время»³⁴. Кроме того, он назначил пять «первостатейных заводских жителей», которым предписывалось проследить за тем, чтобы наказание приказчиков было произведено «в самой точности»³⁵.

От глаз заводовладельца не ускользали ни несоблюдение сроков отправки документов текущей отчетности, ни попытки приказчиков утаивать фактическую дату их составления. Так, 17 января 1799 г. в Нижнетагильскую кантору было отправлено письмо от Николая Никитича, в котором он «настрожайше» требовал: «Все таковые требуемые дела доставлять в надлежащие времена и ни под каким видом, в затмительность неисправностей своих, задними числами бумаг не подписывать под опасением моего гнева и строжайшаго за то взыскания»³⁶. А 26 июля того же года, не получив выписок о приходе и расходе денег за март – июнь, Н. Н. Демидов выразил свое возмущение «беспечностью» нижнетагильских приказчиков и предписал немедленно выслать требуемые документы «под опасением в случае малейшаго промедления не только... гнева, но непременно с прикащиков той канторы взыскания без всякаго послабления»³⁷. В январе 1799 г. суровому наказанию был подвергнут «находившийся в Перми за делами» служитель Нижнетагильской канторы Яков Никерин, с большим опозданием приславший рапорт о приходе и расходе проходивших через его руки денег. Н. Н. Демидов счел произведенные Я. Никериным расходы «не только неумеренными, но и наглыми, особливо ж в показании приказного расхода и заплате безгласного долгу 706 руб. 86½ коп.» и потребовал уволить с занимаемой должности, «исключить из служительского комплекта и звания», назначить «в поддоменную работу» на один месяц, после чего определить в писцы³⁸. В письме, отправленном в Нижнетагильскую кантору в апреле 1799 г., после завершения следствия по делу Я. Никерина, Н. Н. Демидов подчеркивал, что вина за произведенный им «несоразмерный расход денег» в значительной мере лежит на ее управляющих, которые не

³⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 87. Л. 37.

³⁵ См.: Там же. Л. 36–37.

³⁶ Там же. Д. 86. Л. 24 об. – 25.

³⁷ Там же. Д. 88. Л. 19.

³⁸ См.: ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об. – 2 об.

смогли предотвратить столь большую растрату: «Городовые служители в произведении ими расходов состоят под точным оной канторы отчетом и, следовательно, хотя бы которой из них под каким бы то ни было предлогом и вздумал сделать злоупотребление, то должна оная кантора все таковые неистовства имеющимися во оной канторе документами обнаруживать»³⁹.

Чтобы избежать новых хищений денег, Н. Н. Демидов предусмотрел ряд мер. Во-первых, руководству Нижнетагильской канторы следовало предостеречь «городовых служителей» в Перми и Екатеринбурге, «чтоб имели в расходах всемерную умеренность»⁴⁰. Во-вторых, вменить им в обязанность своевременную отправку ежемесячных рапортов о движении денег. В-третьих, нижнетагильские приказчики должны были тщательно проверять поступающие от этих служащих рапорты, визировать их своими подписями, а затем пересылать в Санкт-Петербургскую домовую кантору «по истечении каждого месяца с первыми почтами»⁴¹. В-четвертых, приказчикам следовало «доставляемые к ним (стряпчим в Перми и Екатеринбурге. — О. М.) на расход деньги писать у себя в главный расход, а отнюдь не переводом на расходчиков, служителям же приказать теми же самыми суммами показывать у себя в приход, не оставляя нисколько по памятной, как до сего происходило»⁴². В-пятых, в качестве важной обязанности приказчиков рассматривалась организация ежегодных ревизий финансовой деятельности городских служащих, что предполагало необходимость «делать им надлежащие щеты»⁴³.

Переписка Н. Н. Демидова с петербургскими управляющими отразила его попытки усовершенствовать систему делопроизводства в возглавляемой ими домовой канторе. Так, письмом от 15 августа 1800 г. Николай Никитич вменил им в обязанность ведение особого «реестра» для вписывания поступающих от него «повелений», который предписывалось «содержать всегда на столе, на коем управляющие занимаются письмоводством, для того, чтобы всякой

³⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 18. Л. 18 об.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 65. Л. 2 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 327. Л. 47.

⁴² Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 19.

⁴³ Там же.

из них видел, что, по чьей части состоит в неисполнении и тем бы к исполнению был побуждаем»⁴⁴. Таким образом, введение реестра рассматривалось заводовладельцем как один из способов обеспечения своевременности выполнения поступавших от него распоряжений, он требовал их осуществления не позднее чем через неделю («не далее семи дней»).

Вводя реестр, Н. Н. Демидов достаточно подробно разъяснял, как должна выглядеть его форма: «Когда что будет исполнено, на том реестре, против того повеления, по которому оное учинено, отмечать, но если встретятся какие к исполнению препятствия, то в чем оныя состоять будут, в тот же реестр и то ж против того повеления, по коему сие произошло, записывать, а экспедитору той части, по чьей неисполнение произойдет и почему имеет, нисколько не медля, мне докладывать. По истечении же каждой недели, ис того особого настольного реэстра, что в прошедшей неделе исполнено или же, что и почему не исполнено, сочинять ведомости и оныя при рапортах, за общим всех управляющих подписанием, мне на рассмотрение подносить»⁴⁵.

Новшеством, внесенным Н. Н. Демидовым в организацию делопроизводства Санкт-Петербургской домово́й конторы, стало введение с 1801 г. четырех «шнуровых книг»: «К лутчему устройству канторскаго порятка, а более к собственному моему спокойствию и облехчению, приказываю с будущаго 1801 года завести 4 книги, из коих: в 1-й вписывать все входящие заводские и до караванов относящиеся дела; во 2-й – приказания мои, в оную насылаемые, рапорты городовых продаж: Рижской, Митавской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Нижегородской и Казанской; в 3-ю – Московско́й конторы, с состоящими под управлением ее вотчины Дубенско́й, тамо имеющагося конскаго завода, сел Петровскаго и Сергиевскаго с деревнями и партикулярные письма; и в 4-ю – новыя учреждения и положения, а также и прозьбы, на имя мое и в кантору подаваемыя»⁴⁶. Весомым аргументом в пользу новизны вводимого Н. Н. Демидовым формуляра книг входящих документов для персонала конторы является данное им описание этого формуляра

⁴⁴ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 117.

⁴⁵ Там же. Л. 117 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 100. Л. 21.

и образец ведения записей в них. Николай Никитич подробно разъяснял управляющим конторы последовательность их действий: «Против каждой бумаги полагать канторские для исполнения резолюции и оныя подносить, прежде исполнения, к моей апробации, которые будут по словесному моему приказанию утверждаемы подпискою так: «исполнить», и когда что по которой бумаге исполнится, в той книге, в которой она записана и на нее резолюция положена, исполнение отмечать своею рукою тому управляющему, по части котораго оно последует, а каким образом оному быть, форма у сего приложена»⁴⁷.

Кроме перечисленных выше книг в домовый конторе предписывалось вести приходорасходные книги для учета движения денежных сумм: «На будущий 1801-й год имеет она кантора сделать две шнуровые книги: первую – на писку главного прихода всех сумм, во оную поступать могущих, то ж и всего расхода денег большими суммами, как то: на заводское содержание, на отправление караванов и на платеж по векселям моим во вспомогательный банк процентов, мне подносимых, и на мелочный расход выдаваемых, а другую, то ж для прихода, получаемого из главного, и расхода денег, могущего последовать по насланным от меня во оную кантору на платежи приказаниям и по оной употребляемого по мелочам, которые поднести к моему подписанию в конце декабря месяца сего года»⁴⁸.

Следует отметить, что Н. Н. Демидов придавал большое значение обеспечению сохранности документов, поэтому особо инструктировал управляющих Санкт-Петербургской конторы по поводу их действий в случае отлучек или перемещения с занимаемой должности: «Когда случится, что кто-либо из прикащиков куда в иное место совсем перемещен или же и на время послан будет, другому его должность занимать, назначенному здавать при всех управляющих все дела, какия есть у того перемещающегося по описи, с подпискою на сей создателя и приемателя, дабы никакое дело утрачено не было или же каким неведением вновь вступающий отзываться не мог»⁴⁹.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 100. Л. 21.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 138 об.

⁴⁹ Там же. Л. 117 об.

Осознавая значимость концентрирующихся в Санкт-Петербургской конторе документов, в августе 1800 г. Николай Никитич принял решение о создании в ней архива: «Для решенных или совсем оконченных дел учредить архив, в которой все таковые дела здавать экспедиторам с роспискою заведателю онаго, дабы для случится могущих справок всякое дело было сохраненным. И потому архиву под ведением быть у канторщика Лютина, коему в помощь придать одного из писцов, к записке журналов определенных»⁵⁰.

С. А. Белобородов
Екатеринбург

Старообрядческие священники Нижнего Тагила в конце XVIII – первой трети XIX в.

Четкая внутренняя структура старообрядческого согласия уральских беглопоповцев окончательно оформилась не позднее первой четверти XVIII в. Основной общественной единицей, объединявшей беглопоповцев горно-заводского Урала, была община. Общины нескольких населенных пунктов (чаще всего – близких территориально) входили в состав старообрядческих обществ, члены которых в большинстве своем придерживались единого мнения по основным обрядовым, правовым, финансовым и тому подобным вопросам.

Наибольшим влиянием на горно-заводском Урале в XVIII – начале XX в. пользовались три самых крупных и организованных объединения старообрядческих обществ: Невьянское, Нижнетагильское и Екатеринбургское. Особое место этих объединений в уральском староверии было обусловлено помимо прочего тем, что лишь эти три центра могли позволить себе достаточно дорогое «удовольствие» – иметь в своем распоряжении священника. В одной из своих работ я уже рассказывал о беглых попах, служивших

⁵⁰ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 75. Л. 118.